

Фото В. Седого.

Кушница. - 1993. - 6 февр. - с. 1.
Россия. Черная речка.
Пушкин

«Нет сомнения, что схизма (разделение церквей) отделила нас от остальной Европы и что мы не принимали участия ни в одном из великих событий, которые ее потрясали, но у нас было свое особое предназначение. Это Россия, это ее необъятные пространства поглотили монгольское нашествие. Татары не посмели перейти наши западные границы и оставить нас в тылу. Они отошли к своим пустыням, и христианская цивилизация была спасена. Для достижения этой цели мы должны были вести совершенно особое существование, которое, оставив нас христианами, сделало нас, од-

нако, совершенно чуждыми христианскому миру, так что нашим мученичеством энергичное развитие католической Европы было избавлено от всяких помех».

Кому только не знакомы эти знаменитые слова, адресованные Пушкиным Чаадаеву.

Помню, как обжигали строки из этого неотправленного письма, когда их читала актриса, удивительно похожая на Анну Андреевну Ахматову, в «Зеркале» Тарковского. Когда мальчик неожиданно обнаруживал в квартире эту женщину, открывал по ее просьбе томик Пушкина на такой-то странице... И там было о России. А

потом женщина исчезала. И медленно растворялся на столе влажный след, оставленный ее чашкой.

И еще:

«Действительно, нужно сознаться, что наша общественная жизнь — грустная вещь. Что это отсутствие общественного мнения, это равнодушие ко всему, что является долгом, справедливостью и истиной, это циничное презрение к человеческой мысли и достоинству — поистине могут привести в отчаяние».

Как это точно и — на все времена. Но разве не на все времена «и жизнь, и слезы, и любовь», «и дум высокое стремление»?!

...Всех разоблачили, всех низвергли. За конформизм, за непоследовательность, за непонимание, за что-то сказанное не вовремя или не так.

Всегда остается Пушкин. И Болдино. И Тригорское. И Россия. ...Но и Черная речка. И эхо февральского выстрела в 1837 году.

Б. СЕРГЕЕВ.

